

*Книга-эссе о творческой
работе композитора*

Леонид Любовский
**ВОЗВРАЩЕНИЕ
К ПРАЗДНИКУ**

Леонид Любовский
Возвращение к празднику.
Книга-эссе о творческой
работе композитора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51689387

ISBN 9785449844156

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга – заметки композитора о духовной основе музыки. Особенность композиторского дарования – умение слышать окружающий мир, сущность которого необъятна. В книге сделана попытка объяснить такое слышание через музыкальную интуицию. Рассуждения композитора перемежаются с его рассказом о собственной творческой работе, об осуществлённых и неосуществлённых проектах, затрагиваются некоторые теоретические и исторические вопросы музыки, а также комментарии и дефиниции к созданному.

Содержание

Вступление и начало	5
О духовной сущности музыки	7
Детские вопросы и ответы	11
Звучание большого мира	16
Суэта мира – воз сена	20
Первая опера и её судьба	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Возвращение к празднику Книга-эссе о творческой работе композитора

Леонид Любовский

© Леонид Любовский, 2020

ISBN 978-5-4498-4415-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОЕЙ ЖЕНЕ ИРИНЕ

Вступление и начало

Свинцовые воды канала
И дождь, морозящий с утра...
Как будто бы снова настала
Той юности светлой пора.
И снова иду я, не зная,
Что там у меня впереди...
А годы всё тают и тают...
Иди, сколько можешь – иди!

* * *

И вот, я иду по Обводному каналу. Моросит дождь. Петербург, а тогда Ленинград, для меня не изменился вовсе. Только тогда, более полувека тому назад, мы с отцом часто прогуливались по каналу Грибоедова – отец жил на стыке улиц Римского-Корсакова и Садовой, где напротив, в садике Юсуповского дворца, был прекрасный каток, как и сегодня. А на Обводный мы ходили к его приятелю. Пешком. Правда, за Обводным, где этот его друг жил, всё было не так, как теперь – небо было вечно затянуто дымом из поднимающихся труб «Красного треугольника». Сейчас такое даже представить трудно – прошлое там узнаётся с трудом. Расстояние между двумя каналами казалось совсем коротким, не то, что

теперь...

* * *

Итак, время, время, время... Я оглядываюсь на пройденные годы и с удивлением отмечаю, что, как раньше, так и сейчас, моё восприятие мира не изменилось. Оно всё то же. Если верить Библии и предположить, что Господь создал Землю и всё вокруг, то, по моему твёрдому пониманию, вначале он создал музыку – и этому есть множество доказательств. Такое странное, но обоснованное предположение... Музыка – мой мир.

Музыка сопровождала меня всегда и во всём. Даже если вдруг наступала звенящая тишина. Недаром говорят – звенящая. Этим всё сказано. Тот первый, кто этот звон услышал, был музыкальным гением, первым истинным композитором. Как это важно и как это трудно – услышать тишину! Тишина вмещает в себя величие безмолвного космоса, крошечными атомами которого мы являемся.

О духовной сущности музыки

В Большой музыке всегда таится некий мистический смысл. Погружение в такой звучащий мир – другой, параллельный, загадочный – даёт ощущение и радости, и горести, и восторга. Кажется, что музыка возникает порой без какого-либо вмешательства извне, из какой-то мистической реальности. Но это не так. Музыка – не просто другой мир, который нельзя потрогать, взять в руки, как-то материально оценить, который приносит радость познания истины, – этот мир находится на уровне чувственного постижения действительности. Труднообъяснимо умение воссоздать этот внутренний мир, сделать его реальным, превратить в звучащую субстанцию. Но это уже задача композитора, музыканта.

Благословенны те, кто может понять этот невидимый труд композитора, услышать и расшифровать его внутреннюю речь.

Это – наши настоящие слушатели. Согласимся, что их немного.

За плечами композитора стоят гении, высочайшие Монбланы, которые не раз провозглашали истину – суть бытия. Путь к таким творцам – огромен! Этот путь – бесконечен, но идти надо, если хочешь что-то сказать и чтобы тебя понимали. Осознание истины даёт ощущение душевной полноты, внутренней силы и внутренней уверенности в своей правоте.

В Большой музыке всегда бьётся сердце эпохи, в которой она создавалась.

* * *

Бетховен писал в своих слуховых тетрадах: «Кому моя музыка делается понятной, тот будет свободен от того убожества, который влачат за собой другие». Я сажусь к своему старенькому инструменту. Играю Бетховена, и... соглашаюсь с его словами. Но это чувство – только моё, воспитанного на старой доброй вечной классике, всегда новой, потому что возникшей как добавление к традиции, – а эта цепочка бесконечна. Бетховенская музыка – прекрасный пример приближения художника к истине через интуицию. Задача внимательного и заинтересованного слушателя проста: «...довериться голосу интуиции, посещающему отдельных индивидуумов... и услышать провозглашаемые ими... истины». Эти слова тончайшего исследователя музыки Виктора Петровича Бобровского призывают к глубокому её пониманию-постижению. (В. П. Бобровский, О самом главном. М. Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки. 2006). Добавлю всё же, что услышать таких «отдельных индивидуумов» дано не всем.

Знаменитые Бетховенские слова фактически повторяют Евангельское обращение Иисуса к народу: «Я свет миру; кто последует за мной, тот не будет ходить во тьме, но будет

иметь свет жизни» (Нагорная проповедь. Ин. 8—12). Можно ли их, эти удивительные слова сравнивать? Ведь сказать так может только СОЗДАЮЩИЙ, уверенный в себе и в результатах своего проповедческого труда. Познавший истину.

Вот об этом, о чём вроде бы не принято говорить, я и хочу сказать в этой книге. По сути – об ощущении композитором духовного состояния мира. Бог в понимании верующего человека – создатель. Создатель всего. Но и Бетховен, композитор – создатель. Создатель идеального духовного мира, выраженного в звуках. Ощущение создателя, Демиурга у них одинаково. Можно ли провести резкую грань между духовностью светской и духовностью религиозной?

Для верующего христианина (да и представителя многих других религиозных конфессий) все чаяния и молитвы направлены к единому Богу. Как хотелось бы, чтобы все эти человеческие чаяния и молитвы имели такой единственный адресат! Трудно представить себе и ещё труднее согласиться, что не некая великая идея, не великий разум руководит миром, что нет такого единого непостижимого создателя всего сущего на земле, организатора, конструктора, архитектора, воспитателя...

Оглядывая своё творчество, я понимаю, что главным ощущением, дающим мне внутреннее право что-то писать (создавать, придумывать, творить) было всегда ощущение величия бытия, грандиозность, необъятность мира, при попытке охватить и осознать которое сильнее бьётся сердце.

Музыка – моя религия.

Недавно, после одного из симфонических концертов, получаю от слушателя письмо: «...ваше произведение звучало как монументальный памятник... вы... композитор и вам не надо обращать внимание на то, что вокруг. Ваш мир внутри вас. Творите, это такая радость быть творцом...». Возможно, это преувеличение восторженного слушателя, возможно и нет. Предполагаю, что и многие другие авторы так оцениваются своими слушателями. Дай бог. Время всё скорректирует.

Детские вопросы и ответы

Часто возникает перед моими глазами одна картина из детства. Я сижу на разошедшейся лавочке у маленькой церквушки рядом с нашим домом. Рядом со мной – сухонький дьячок, служащий в этой церкви. Он уже успел немного выпить, и его речь, тихая и тягучая переносит меня в удивительную страну, не столь благополучную, как моя (моя, конечно, самая любимая и лучшая в мире). В стране, описанной моим дьячком, торжествует жестокость, корыстолюбие, всевозможные человеческие пороки, идёт страшная борьба со злом, со всякой дьявольщиной, на площадях звучат обличительные речи одиноких праведников, там совершаются дикие пытки, висят на деревянных перекладинах осуждённые, корчась в страшных муках, – но там происходят и волшебные исцеления после мучительной смерти, растут на сказочных деревьях сказочные плоды, люди славят мудрых старцев и омывают ноги усталым путникам... Кажется, и самому дьячку интересно было иметь такого любопытного слушателя; я всё спрашивал и спрашивал, и он всё отвечал и отвечал, стараясь быть более понятным маленькому слушателю. Описанные им эпизоды и картины всевозможных удивительных чудес становились всё более красочными и загадочными...

Что говорить, эти тихие вечерние сидения на лавочке ря-

дом с висящими железнодорожными рельсами, заменяющими церковные колокола, очень отличались от школьных уроков. Я пошёл в школу лишь недавно. Школьные занятия были, конечно, тоже интересны, но здесь – совсем другое дело – здесь была тайна...

Иногда церковный двор оживал. Из окрестных сёл приходили чисто одетые крестьяне и крестьянки, священник выходил из церкви, махал кадилом, окроплял всех святой водой... Такое оживление – обычно в праздники – длилось недолго. И напоминало театр, тот самый маленький театрик, который тоже появился в нашем городе. Небольшая труппа представляла публике свой скромный репертуар в помещении местного клуба, построенного на месте бывшей здесь когда-то православной церкви. Репертуар состоял из популярных музыкальных представлений, народных украинских опер ... «Запорожец за Дунаем», «Сорочинская ярмарка», «Наталка-полтавка», «Сватанье на Гончаривке»... Театр забавлял и развлекал послевоенную публику. Долго ещё звучала в ушах после этих спектаклей услышанная там музыка, было весело, забавно, но и здесь, конечно, также не было никакой тайны.

Особая тишина и отречённость от будней, уход в сладкое состояние покоя и размышления о вечном было даровано только в той маленькой церквушке.

Только что закончилась война. На улицах полно молодых людей – солдат в стареньких выцветших гимнастёрках, возвращающихся с фронта. Много калек, безруких, безногих на грубо сколоченных самодельных возках, на костылях; много изуродованных лиц – даже вспоминать об этом страшно. Сейчас, когда вдруг, неожиданно, мы слышим военную риторику политических лидеров с угрозами: мы всех порвём! – я вспоминаю эти картины детства. Понимаю, как недалёковидны и глупы те, кто затевает все эти дьявольские игры. Мой отец, прошедший всю войну и вернувшийся с фронта с двумя осколками в виске, никогда о своих военных годах не вспоминал. Он так и умер от этих осколков на операционном столе, когда их попытались извлечь, а я стал убеждённым пацифистом.

* * *

Понятно и объяснимо то, что в это послевоенное время стране было не до своих детей. Мы сами развлекали себя, как могли. Вот я и любил забегать в нашу маленькую церквушку. Особенно когда там не было службы и царила таинственная тишина, где пахло ладаном и растопленным воском, а многочисленные суровые лики святых старцев осматривали меня с осуждением со всех сторон.

Но вот начиналась служба.

В небогатом интерьере церкви тускло загорались свечи, поблескивали оклады старых икон с мрачными и невыразительными лицами. Запах свежего ладана из курильниц проникал в ноздри. Нестройно пел хор старушек дребезжащими и какими-то бесполоыми голосами. И всё же при всём непонятном этом действе, детское любопытство брало верх, я вслушивался в странные слова молитв, пытался осмыслить их значение... И вот этот дьячок, удивительный божий служитель, посланный мне, чтобы удовлетворить моё страстное любопытство и желание знать, что скрывается за бесконечными поклонами бормочущих что-то прихожан, за непонятными ритуалами священника с размахиванием кадила, за целованием разрисованных суровыми мрачными лицами досок, а также знать, зачем вообще-то мы живём на этой земле, и что там за далёким горизонтом, куда люди уходят после смерти, и что такое душа, и есть ли она у злой собаки Жульки в соседском дворе... И ещё – знают ли люди, что существует другой мир, в котором постоянно звучит музыка?

Я терпеливо ждал окончания службы, чтобы снова увидеть своего дьячка, сесть с ним на разохшуюся скамеечку у импровизированных колоколов и слушать, слушать, слушать...

А ночью мне снились прекрасные сны, наполненные музыкой тихо проплывающих на горизонте облаков, и неясные, еле уловимые странные тени, проносящиеся по небу, и лёгкие ангелы с полупрозрачными, как у стрекоз, крыльями,

и древние старцы в белых одеждах, и тёмные уродливые монстры, появляющиеся откуда-то внезапно и так же быстро исчезающие... И всё гудело, то затихая, то снова усиливаясь, то превращаясь в чуть слышное трепетание неземных колокольчиков... И мир казался необъятным, чистым и радостным, наполненным жаждой жизни и вечного движения, и никакой смерти в нём не существовало...

Звучание большого мира

С тех пор прошло много времени. Многое передумано, многое пережито. И открыто заново. Я рос обыкновенным советским человеком со всеми его идеалами и предубеждениями. Страна учила честности – и я был честен, страна учила правдивости – и я был правдив, страна учила бескорыстию – и я не был корыстен, страна учила вере в будущее коммунистическое общество с её прекрасными идеалами – и я верил, что оно, это будущее, обязательно наступит. Наконец, страна провозгласила свободу совести – один из важных законов советской власти – и я верил в то, что свободный разумный человек всегда придёт к правильному пониманию устройства мира – мира любви, взаимопонимания, доверия, – без суеверия, без мракобесия, без жестокости и насилия.

Страна учила... Жизнь же всё скорректировала по-другому.

* * *

В студенческие годы я несколько лет занимался горным туризмом. Мы ходили по нашим Кавказским горам с нашим скудным, мало приспособленным для этого спорта снаряжением. Часто пробирались по крутым и опасным тропам. Сейчас трудно понять, как можно было с такой ничтожной эки-

пировкой идти в горы, но тогда... – незабываемые горные пейзажи, упоительный, насыщенный какими-то удивительными травами воздух, звенящая тишина белоснежных горных вершин и зелёных долин – и ничто другое не могло казаться более желанным и прекрасным в этом прекраснейшем из миров!

И вот однажды там произошло то, что заставило меня по-другому увидеть наш хрупкий и беззащитный мир.

Солнце в горах заходит рано, и, увидев, что мы забрались в своём походе слишком далеко, наш проводник решил сократить время и пойти более коротким, мало известным нашей маленькой команде путём. Шли недолго, но неожиданно тропа так сузилась, что я поневоле прижался к холодной, совершенно отвесной многометровой скале. А слева – почти под ногами – разверзалась пропасть, бездонная и мрачная, где-то внизу слегка прикрытая лёгкой дымкой. Я оказался на узком, в ладонь шириной, каменном карнизе. Чувствую, как заколотилось сердце и кровь застыла в жилах. Холод прошёл по ногам. Мой старший и опытный спутник понял меня и заставил поднять глаза: на отвесной скале была выбита старыми русскими буквами надпись: «Пронеси, Господи». В этот момент, стоя над обрывом на ненадёжном узком карнизе, я ощутил дыхание вечности и величия природы, её аскетического и холодного покоя. И равнодушия. Ты один в мире. Тебе не от кого ждать помощи. Нет даже соломинки, за которую можно ухватиться. Ты абсолютно безза-

щитен. Но, может быть... Пронеси, Господи!...

Так и человек на земле – страшна его беспомощность перед могучими и непостижимыми силами природы. Хочется ухватиться за что-нибудь, – за соломинку! Какой же несправедливостью для человека земли кажется то, что получить помощь, понимание и поддержку порой не от кого. Обстоятельства сильнее нас! Природа холодна, равнодушна, неумолима. А чтобы жить достойно – нужна защита, опора, вера! Вера в чудо, которое защитит только потому, что ты – человек! Наверное, это врождённое необходимое чувство для того, чтобы в самых сложных жизненных ситуациях не лишиться надежды и – разума. И я не стал бы упрекать тех, кто обращает свои чувства к церкви, облегчающей и успокаивающей совесть. Пронеси, Господи...

* * *

С верой в некую мистическую силу у человека спадает с плеч груз многих, иногда очень тяжёлых, повседневных раздумий. Надежда на высшие силы позволяет переживать трудные жизненные ситуации. Верующий человек прибегает к молитве, в которой обращается к Всевышнему со своими проблемами и сомнениями, – наградой ему становится чувство облегчения и надежды. Высокая Сущность – Бог, Всесильный, Всезнающий, Справедливейший является для него ясным и понятным воплощением духовности. Всё просто.

Под стать верующему – и переживание композитора, музыканта, для которого вся загадочность и необъятность мира – предмет его духовных переживаний. Всё в мире – божественно, всё достойно удивления и восторга. В этой непознанности – наиболее правдивое выражение Сущности Бытия. В ощущении бесконечности – неисчерпаемый источник духовных радостей и открытий. Поэтому так захватывает нас чувство грандиозного величия в пассионах Баха, в мессах Бетховена, симфониях Малера...

Духовность музыканта – это и есть его внутренняя интуитивная потребность, неизмеримая ни с чем. Перевоплощаясь в звучание, она не нуждается в земных атрибутах и знаках своего переживания. Не нужны и посредники. Сколько раз в своей жизни, особенно в детстве, забившись в угол, я прослушивал такую чистую и удивительную музыку, которая охватывала меня и поднимала на необыкновенные высоты – дух захватывало. И совсем не возникало необходимости с кем-то делиться этой своей внутренней радостью. Я был счастлив с самим собой!

Каждый человек, музыкант он, или не музыкант, всё же нуждается в защите своего духовного «я», особого чувства одиночества и беспомощности, беззащитности в бесконечном и необъятном космическом пространстве. Это объясняет факт, что религия стала частью мировой культуры.

Суета мира – воз сена

Человеческая природа коварна. На потребности в духовной защите порой строятся структуры, торгующие этой человеческой слабостью (особенностью?) ... Штат посредников возрастает. Происходит монетизация веры.

В конце восьмидесятых годов я написал Триптих для четырёх тромбонов, приготовленного фортепиано и ударных – трёхчастную картину по известному алтарю «Воз сена» голландского художника-сюрреалиста XV века Иеронима Босха, чья живопись всегда завораживала меня.

«Триптих Босха» – музыкальная картина, рассказ о человеческих слабостях и заблуждениях – во все времена вообще и в наше время (через 500 лет после написания этого алтаря), в частности. Первая часть – Токатта – левая створка – изображает грехопадение человека, изгнание из рая; вторая, центральная створка – Хорал – метафора современного мира: за огромной телегой с сеном следуют Папа, император, его свита, приближённые к ним персоны, простолюдины... Каждый пытается урвать из телеги свой клочок сена. Лишь музыкант с лютней да поэт, да влюблённые, кажется, равнодушны к происходящему. Третья часть – Гимн – многочисленная нечисть тащит эту телегу с сеном прямо в ад.

Вот она, картина современного мира из XV века.

Художник расположил музыканта и поэта на самом верху

этой высокой пирамиды, они – равнодушные участники человеческой комедии. Но это не просто статисты, над ними – ангелы, охраняющие их, защищающие от тщетности земной суеты. Ничего этим персонажам не нужно, никакого «сена»! Они познали истину. Им нет необходимости монетизировать свои чувства. Их Бог – бесконечная природа, приносящая радость земного существования. Что может быть прекраснее!

Босх своим сюрреалистическим шедевром показал картину человеческого существования на земле. Я попытался хотя бы немного приблизиться к великому мастеру в своей работе.

Триптих прозвучал на Первом Всероссийском конкурсе духовиков в Саратове в конце восьмидесятых, затем в моём авторском концерте в великолепном зале Саратовской государственной консерватории (благодаря поддержке заведующего кафедрой духовых инструментов консерватории прекрасному музыканту профессору Анатолию Дмитриевичу Селянину), затем на Международном фестивале «Европа-Азия», а затем его странствия состоялись и по другим городам России. В Варшаве инициатором его исполнения был известный тромбонист Юлий Петрахович, профессор Академии им. Фредерика Шопена. Мне также хотелось бы отметить исполнение этой музыки ансамблем профессора Анатолия Тихоновича Скобелева (Москва).

Думаю, в живописном оригинале – триптихе Босха – раз-

личие между духовным ощущением художника и духовным пониманием мира официальной церковью красноречиво. Рад буду, если слушатели это увидят и в моём «Триптихе Босха».

* * *

В 1930-м году на экранах наших кинотеатров появилась комедия «Праздник святого Йоргена», снятая знаменитым Яковом Протазановым (СССР, Межрабком). Замечательная игра Анатолия Кторов, Игоря Ильинского, Михаила Климова, Анатолия Горюнова и других прекрасных актёров сделала этот фильм популярным и любимым. Я смотрел его несколько раз с удовольствием. Прямолинейный юмор фильма и лёгкая ирония производили большое впечатление, оставались надолго в памяти. Но это было впечатление лёгкого и забавного скетча, направленного против невежества и суеверия. И, конечно, как и в иконостасе Босха – против ничтожной человеческой слабости – корыстолюбия. Какой же для меня стало неожиданностью, когда уже в шестидесятых годах я прочёл эту весёлую и озорную книжку. Но она оказалась не просто весёлой и забавной – социальный смысл её оказался убийственным, а юмор – жестоким и грустным!

Удивительно чётко я представил себе прочитанное на сцене музыкального театра.

Об авторе сведений было очень мало, – только короткое

послесловие. Позже, когда у нас появился интернет, я узнал, что человеком автор повести Гарольд Бергстед был дряненьким, и даже заслуженно отсидел в датской тюрьме пару лет. Гений и злодейство, увы, часто бывает в нашей жизни вполне совместимо.

Написанная ещё в начале двадцатого века книга привлекла большое внимание в молодой советской республике. Но это в прошлом – сейчас о повести Бергстеда у нас не принято вспоминать. А напрасно. Актуальной она будет ещё очень, очень долго. Вот её короткий эпиграф: «Поразмыслите о сем». Действительно, поразмыслить есть о чём. Повесть, безусловно, сатирическая, но смешного в ней – мало.

Первая опера и её судьба

В эти, шестидесятые годы, думаю, я был достаточно хорошо подготовлен для работы над оперой: все новые профессиональные технологии запада нам, студентам композиторского класса Казанской консерватории, были хорошо известны – спасибо нашим учителям – и даже пробовались на практике. В этом отношении и культурный официоз коснулся нас не очень сильно. В конце концов, я понял, что самая большая ценность композитора – свой собственный взгляд на мир, интуитивный голос своего «я». «Ещё много хорошего можно сказать в до-мажоре» – известные знаковые слова Арнольда Шёнберга: понять их можно, следовать им – трудно. В общем – средства вторичны. Всё равно из какого материала ты возводишь свой дом – из камня или из соломы – главное, чтобы он был крепким и в нём было тепло и уютно.

В эти годы у меня уже были написаны несколько вокальных циклов (звучавших и на всесоюзном радио), фортепианная соната, большой четырехчастный квартет, трёхчастная симфония... Свою первую оперу я написал на четвёртом курсе консерватории.

Я настолько увлёкся работой над оперой, что уже через сорок дней клавир-дирекцион был вчерне готов.

Вот её краткое содержание.

Глубокое средневековье.

В славный город Йоргенстад, известный своими праздниками в честь святого Йоргена, который триста лет тому назад был изгнан из города за разоблачение богатых коррупционеров, стекаются паломники. Предстоит очередной праздник, да ещё и выбор соборной невесты для святого, который, по слухам, обещал вернуться (через триста лет). С толпой паломников в город возвращается Микаэль Коркис по прозвищу Коронный вор, бывший исполнитель шекспировских ролей в бродячем балагане, а теперь простой бродяга. С ним его товарищ Франс Поджигатель, такой же бродяга и вор. Когда-то и Микаэль был изгнан из этого города, где он родился и вырос. Изгнан за то, что посмел сказать Главному Капеллану: ты – мой отец! Что было, увы, правдой. Оба товарища в толпе паломников прикидываются: один – слепым, другой – калекой (на костылях). И Микаэля и Франса разыскивают стражники Курфюрста.

В поисках наживы друзья проникают в сокровищницу храма. Неожиданно, увидев приготовленный к праздничной церемонии плащ святого, Микаэль решает выдать себя за Йоргена. Микаэлю терять нечего: надоело бояться, надоело скрываться... Он готов сыграть последнюю шекспировскую роль в своей жизни. На церемонии праздника Микаэль торжественно появляется на святой лестнице, куда не ступа-

ла нога обыкновенного смертного, и убеждает толпу в своей святости, совершая «чудо» – «исцеляя» калеку в толпе. Конечно – Франса. После некоторого колебания толпа признаёт Йоргена: Он пришёл! Сомневающегося Главного Капеллана, своего отца, Микаэль-Йорген бьёт посохом по голове, ещё больше убеждая паломников в своём истинном существовании.

Все вокруг ликуют: Он пришёл! Среди суеверных членов Капитула замешательство и страх. Что теперь будет!? Между тем, завистливый Франс пытается разоблачить Микаэля: это Коронный вор! Народ в замешательстве, но Микаэль уверяет: Коронный вор – это Франс! Франса вешают. «Прости мне, друг, – говорит ему перед смертью Микаэль, – обстоятельства сильнее нас: или я должен повесить тебя, или меня самого повесят».

Наконец, Йорген-Микаэль требует отвести его в покои, где он встречается со своей соборной невестой прекрасной Олеандрой, дочерью Гроссмейстера, избранной святым отцами накануне. Между ними вспыхивает любовь. Но внезапно появившийся гонец приносит приказ Курфюрста: во что бы то ни стало поймать Коронного вора, примета которого – красное солнце на груди. Услышавшая это, Олеандра падает в обморок со словами: я видела это солнце! Капитул вздохнул с облегчением, поняв всё.

Но как найти выход из такого положения, не скомпрометировав праздник, приносящий немалые доходы? Проще

всего, конечно, всех осмотреть, но кто отважится, кто посмеет осматривать святого в толпе его фанатичных поклонников?! Мудрое решение принимает Гроссмейстер: «поскольку такой осмотр может оскорбить чувства верующих, мы полагаем, что своим отъездом ваше святейшество избавит нас от столь тягостной необходимости». Быстро решаются все вопросы, связанные с отъездом «святого». Тот прощается с огорченными паломниками и «своим» Капитулом. Паломники плачут, провожая его. «Не плачьте, я ещё вернусь, – обещает Йорген-Микаэль, – через триста лет!...». Микаэль занимает своё место в отъезжающей карете, куда успеваешь вскочить и Олеандра. Счастья и радость на лицах паломников! Они видели Его! С умилением машут платочками и члены Капитула. «Тот, кто Йоргена признает, бед и страхов не узнает...», звучит заключительный хорал.

Так почти по-голливудски заканчивается это странное и довольно трогательное действо. Поразмыслите о сем!

Нет предела человеческой глупости. Нет предела человеческой доверчивости. Нет предела человеческой надежде на счастье и справедливость!

* * *

Поначалу судьба оперы складывалась удачно. Возможно, здесь уместна поговорка: слухами земля полнится. Я получил заинтересованное письмо из Ленинградского Малегота

с предложением показать оперу художественному совету театра. Это был любимый театр моего отца. Когда-то с ним в этом театре мы переслушали почти весь его репертуар. До этого я показывал оперу только своим любимым профессорам – Альберту Семёновичу Леману, Генриху Ильичу Литинскому и Назибу Гаязовичу Жиганову. Все они дали опере довольно высокую оценку, предрекали ей интересную сценическую жизнь, а Литинский, будучи в некоем высоком редакционном совете, настойчиво советовал предложить оперу Большому театру. Всё же я, заваленный своей педагогической работой в консерватории, решил не спешить и дожждаться вызова в Малегот. Через какое-то время вызов состоялся, и я, как и предполагалось, показал оперу худсовету театра, который её одобрил. Геннадий Пантелеймонович Проваторов, главный дирижёр театра, возглавляющий худсовет, попросил у меня партитуру, обнадёжил: ждите, это наша опера. При следующей с ним случайной встрече я увидел мою партитуру в его руках и окончательно успокоился. И стал ждать.

Конечно, я не знал, что такое музыкальный театр. Вскоре в театре сменился директор, затем главный дирижёр, затем главный режиссёр, затем снова директор... Бесконечные подготовки к всевозможным государственным и партийным праздникам занимали театр гораздо больше, чем текущий репертуар. Да и каждый новый руководитель приходил, как правило, со своим любимым репертуаром и поскорее старался воплотить его на сцене. К кому обращаться? Все перего-

воры с начальством заканчивались лишь обещаниями и заверениями: вот уже скоро, на следующий год...

А время уходило...

И вот, почти через десять лет у меня состоялся разговор с очередным новым главным режиссёром и художественным руководителем театра Эмилем Евгеньевичем Пасынковым. Я представился ему и сослался на решение худсовета. Вальяжный и очень уверенный в себе, Пасынков с любопытством осмотрел меня с ног до головы и заявил жёстко и нелицеприятно: «Я познакомился с решением того (акцентировал он) художественного совета. Скажу сразу, чтобы не обнадёживать вас: я не открою партитуру оперы, даже если бы она была гениальна. Мне важно имя автора, то есть, важно кого (снова акцент) мы ставим. Вот станете известны – приходите». От такого наглого откровения и полной неожиданности я не знал, что ответить. Такие слова – как обухом по голове. Дальше его я не слушал. А вернее сказать – не слышал. Он пригласил меня на свою премьеру какой-то оперы – кажется Монтеверди, – и вечером я сидел в директорской ложе на красивом спектакле, от которого помню только прозрачную белую кисею, заполнившую сцену. В голове у меня тоже была такая же тонкая кисея и звучали его жёсткие слова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.